

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-3-511-520

УДК 821.521

Научная статья

Песенное творчество в «Дневнике эфемерной жизни» и его функциональная нагрузка

Х.Ш. Гафурова

Университет мировой экономики и дипломатии
Республика Узбекистан, 100077, Ташкент, ул. Мустакиллик, 54

Аннотация. В истории Японии эпоха Хэйан считается золотым веком, периодом расцвета аристократической литературы. Именно тогда аристократия выступила создателем литературных произведений, которые и по сей день являются шедеврами мировой литературы. Одним из неповторимых явлений японской классической литературы признана дневниковая литература, в том числе и женская, эпохи Хэйан (IX–XII вв.). Дневниковая литература отличается от других жанров по стилю и методам изложения, художественному языку, сюжету и композиции, образной системе. Самым ярким представителем женской дневниковой литературы Японии признают Митицуна-но хаха (935–996 гг.), которая обогатила японскую средневековую художественную традицию самобытным литературным стилем, новой тематикой, новым поэтическим видением, новой чувственностью. В «Дневнике эфемерной жизни» Митицуна-но хаха широко воплощена традиция поэтических вставок, выделяется особый пласт стихотворного материала (трехстишия, пятистишия). Они служат необходимым атрибутом для передачи эмоционального настроения, создания образа, усиления важных по значимости моментов. Рассмотрение художественных особенностей дневника наводит на предположение, что стихотворения – это дополнительный материал в передаче различных эмоциональных состояний героини. Стихотворные вставки усиливают то или иное настроение, устанавливают эмоциональную связь между внешним и внутренним миром автора. Анализ поэтических вставок дает возможность определить их функциональную нагрузку.

Ключевые слова: средневековая литература, женская дневниковая литература, эпоха Хэйан, жанр, композиция, художественность, поэтика

Введение

Одним из неповторимых явлений японской классической литературы считаются дневники, в том числе женская дневниковая литература эпохи Хэйан (IX–XII вв.). В средневековой японской литературе жанр дневника возник на стыке автобиографической прозы, мемуарных записок и эссе. Расцвет японской дневниковой литературы приходится на X–XIII вв.

Дневниковая литература – это особый жанр, отличающийся по стилю изложения, художественному языку, сюжету и композиции, образным системам.

© Гафурова Х.Ш., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Это специфическое литературное явление рассматривается как целостный литературный жанр, такой же значительный и сформировавшийся, как рассказ, эссе или роман в европейской литературе. Дневниковая литература – это оригинальное прозаическое повествование, в котором автор обязан придерживаться житейской подлинности, что придает ему социальную значимость.

Обсуждение

Самым ярким представителем женской дневниковой литературы Японии признают Митицуна-но хаха (935–996 гг.), обогатившую японскую средневековую художественную традицию самобытным литературным стилем, новой тематикой, новым поэтическим видением, новой эмоциональностью. Ее творчество сыграло огромную роль в развитии японской классической литературы. Митицуна-но хаха является автором поэтических сборников и прозаического произведения «Дневник эфемерной жизни» (конец X в.). Она как основоположник «литературы женского потока» стала первой женщиной, которая внесла в литературный процесс женскую проблематику.

Важнейшая ценность женской дневниковой литературы заключается в описании человеческой личности, ее душевных движений, мыслей, чувств. Как художник Митицуна-но хаха использует богатейший поэтический, психологический и художественный арсенал для передачи своего внутреннего мира [1].

В средневековой Японии стихосложение было неотъемлемой частью жизни аристократов эпохи Хэйан. Оно настолько внедрилось в повседневную жизнь, что даже в семье, между друзьями и родственниками, между мужчиной и женщиной общение сопровождалось стихами, взаимными обменахми в виде коротких посланий танка, рэнга и даже больших стихотворений, написанных по поводу конкретных событий. В эпоху Хэйан насыщенность поэтическим материалом считалась естественной при создании любого литературного произведения [2. С. 31–33].

Стихи различных жанров органически входили в художественное полотно той эпохи. Положение, отведенное в обществе стихотворчеству, несомненно, должно было отразиться и на дневниковой литературе. Во-первых, в дневниках описывалась реальная жизнь и отношения между членами общества. Во-вторых, стихи, написанные одним человеком и внесенные в качестве цитаты в произведение другого, помогали раскрыть характер отношений между людьми. В-третьих, стихи могли играть роль дополнительного художественного средства, благодаря которому появлялась возможность композиционно скрепить произведение.

Традиция поэтических включений в прозаический текст четко прослеживается и в «Дневнике эфемерной жизни». Они служат необходимым атрибутом для передачи эмоционального состояния автора, создания поэтического образа, усиливающего жизненно важные сообщения.

При цитировании стихотворений других авторов было обязательным указание его принадлежности. Наличие подобного приема – общепринятое правило. Например, автор дневника, общаясь с кем-то, обменялся с ним стиха-

ми и по принципу *макто* приводит в своем дневнике оба стиха, указывая, кому принадлежит конкретный стих [3].

Песенный материал в дневниках, как его называют японские ученые, или стихотворчество, как мы предпочитаем его называть, характеризуется жанровым и стилистическим разнообразием. Каждое стихотворение в дневнике несет определенную структурирующую функцию. Функциональность стихотворного материала в ткани художественного произведения можно считать самой важной особенностью, которую он выполняет в произведении [4]. Именно на основе функциональности можно выделить следующие стихотворные виды:

– *зотоута* (贈答歌) – песни-переключки, для которых обязательны два исполняющих; это похоже на прием *мушоира* в узбекской литературе и на стихотворные состязания экспромтом, когда один из участников слагает стихи, а второй отвечает ему;

– *докуэйка* (独詠歌) – интимные песни, написанные не для постороннего взгляда, но случалось, что они были кем-то прочитаны;

– *бохэйка* (棒幣歌) – песни, сочиненные для храмовых молитв, посылаемые богам, вознося им хвалу; их можно охарактеризовать как религиозные хвалебные оды, они часто появлялись при посещении буддийского или синтоистского храма;

– *нагаута* (長歌) – особый жанр стихотворного произведения, который по своей тематике совпадает с танка;

– *рэнга* (連歌, стихотворение-цепь) – жанр стихотворного произведения, в которое последовательно добавляются, как бы нанизываются последующие строфы.

Второй особенностью дневников является то, что на всем протяжении повествования стихи входят в текст как органическая составная часть, без которой сложно представить женский дневник. Стихотворный текст связан с основным повествовательным материалом, при этом именно поэтическая часть лучше всего передает настроение автора, поэтому количество стихов в каждой из книг дневника разное.

Анализ количественной характеристики использования стихотворчества «Дневника эфемерной жизни» дает следующую картину.

Первая книга дневника описывает период с 954 по 968 г. (пятнадцать лет) и содержит стихотворный пласт из сто двадцати шести песен (和歌): сто пятнадцать песен-переключек *зотоута*, две *нагаута* (№ 58, 59), одна *рэнга* (№ 98), семь *докуэйка*, шесть *бохэйка*.

Стихотворчество занимает около 20 % всего текста первой книги. В ней также использованы песни-плачи, которыми главная героиня выражает обуревающие ее чувства по поводу кончины матери.

Общий объем песен-переключек автора дневника – сто пятнадцать, из них шестьдесят две песни написаны Митицуна-но хаха и ее мужем. Песен, сложенных самой Митицуна-но хаха, тридцать четыре, а двадцать восемь принадлежат Канэиэ. Например, стих Канэиэ, с которого и начинается их переписка до брака, зафиксирован под номером один:

音にのみ聞けばかなしなほととぎすこと語らはむと思ふ心あり [5. С. 90].

Лишь услышу о тебе,
Заслышу я, моя кукушка,
Так грустно делается мне,
С тобой сердечный разговор
Вести мечтаю я!
[6. С. 160.]

Эти стихи передают заинтересованность опытного жениха в предстоящей свадьбе, его ожидание встречи. Образ кукушки в средневековой литературе олицетворял грусть, но чаще всего обозначал любовное томление.

По приведенным в дневнике стихам можно проследить историю любовных отношений автора и ее мужа. Вначале она равнодушно воспринимает ухаживания Канэиэ, вместо нее на стихи отвечает служанка.

Если проанализировать стихотворную переключку героини с мужем до свадьбы, то можно заметить иронию, высказываемую Митицуна-но хаха, в то время как ответы Канэиэ полны искренности. Жених сравнивает себя с тающей росой:

しのめにおきける空は思ほえてあやしく露と消えかへりつる [5. С. 94].

Роса –
Она легла перед рассветом,
Но тает вся неожиданно,
Едва приходит утро.
Так таю я, домой вернувшись.
[6. С. 162.]

Ответ женщины находчив и ироничен:

さだめなく消えかへりする露よるもそらだめのめするわれはなになり [5. С. 94].

Вы говорите, что подобны
Росе, всегда готовой испариться.
Куда ж деваться мне?
Я полагала, в Вас найду опору!
[6. С. 163.]

Аллегория в виде испаряющейся росы еще не раз повторится в стихах-переключках. Образ росы – традиционный поэтический образ, означающий тающие чувства, эфемерность жизни, слезы:

はちすばの玉となるらむむすぶにもそぞぬれまさるけさの露かな [5. С. 135].

Моя матушка стала
Росинкой на лотосе.
Не та ли роса намочила рукав у меня
Сегодняшним утром?
[6. С. 163.]

Здесь упоминание росы несет двойную нагрузку: это образ матери и одновременно слезы автора, которые она вытирает рукавом кимоно.

Кроме песен-переключек с мужем, Митицуна-но хаха шлет послания и ответы другим лицам, с которыми состоит в переписке. Например, из двенадцати песен-переключек Митицуна-но хаха с госпожой из дворца Дзеган шесть песен сложены ею и шесть – госпожой. Госпожа отправляет следующее послание:

かはと見てゆかぬ心をながむればいとどゆゆしくいひやはつべき [5. С. 158].

Я видела во сне,
Как с вами повстречалась.
Теперь живу,
Очнуться не могу,
Окутанная вся туманом милых встреч.
[6. С. 217.]

В этих строках ощущается не только характерная для дворцового этикета интонация, но и искреннее восхищение личностью Митицуна-но хаха.

В ответ Митицуна-но хаха написала следующее:

渡らねばをちかに人になれる身を心ばかりはふらせやはわく [5. С. 158].

С тех пор как прервались
Наши встречи,
Со мной вы говорите,
Встретившись во сне,
Но этот способ встречи неизвестен мне.
[6. С. 217.]

Ответ автора, как видим, менее эмоционален, полон достоинства, но несколько ироничен по отношению к собеседнице.

Как уже отмечено, стихи в дневнике несут философскую нагрузку. Например, при обращении к старшей госпоже (первой жене Канэиэ) Митицуна-но хаха сравнивает мужчину с рисом особого сорта:

そこにさへかるといふなるまこもぐさいかなる沢にねをとどむらむ [5. С. 103].

Широколистый рис,
Как сказывают, сжали
Даже там у вас.
Так на каком болоте
Пускает корни он?
[6. С. 170.]

Первая жена поняла намек и ответила:

まこもぐさかるとはよどの沢なれやねをとどむてふ沢はそことか [5. С. 103]

Да, сжали
Рис широколистый,
И на болоте где-то корни он пустил.
Но я считала
То болото Вашим!
[6. С. 170.]

Болото в этом стихе означает дом новой пассии Канэиэ, в который он стал наносить визиты, где у него родился сын, то есть он «пустил корни».

Первая книга дневника содержит двадцать песен, в которых Канэиэ выступает объектом переключки. Среди восемнадцати песен находим песни-переключки Канэиэ с принцем, то есть с главой ведомства, в котором служил Канэиэ; одиннадцать песен написаны принцем, семь – это песни-ответы Канэиэ.

Кроме песен-переключек с участием мужа и жены, встречаются обращения к другим второстепенным персонажам: к служанке, тете, мужу сестры, соседу; песня *рэнга* Митицуна-но хаха со служанкой, песни отца, брата,

придворной дамы из дворца на Девятой линии, жены служителя дворцовой охраны, госпожи из дворца Дзеган. Всего сто двадцать шесть песен, из них сто пятнадцать песни-переключки, что составляет 91 % всех песен первой книги.

Вторая книга содержит описание событий с 969 по 971 г. (три года). В ней всего пятьдесят пять стихотворений, что свидетельствует о сокращении круга лиц, с которыми автор общается. Среди них четырнадцать *докуэйка* (№ 133, 150–153, 156, 159, 160–164, 178, 179); девять *бебута* (№ 140–149). Их пишут, рассматривая рисунок на ширме, причем рисунок должен соответствовать определенному времени года. Например, по традиции вначале описывается обстоятельство, побудившее написать стих: «На ширме изображено – на берегу моря перед домом сельского жителя сосновая роща. Резвится стая журавлей. “Здесь должно быть два стихотворения”, – наставляли меня».

波かけの見やりに立てる小松原心をすることぞあるらし [5. С. 185.]

Эта роща из маленьких сосен,
Что на взморье стоит
И в волны глядится.
Сердца наши
Она будто влечет.
[6. С. 239.]

Эта прекрасная пейзажная зарисовка создает лирический настрой, отвечающий моменту, который переживает автор.

Вторая книга дневника содержит всего тридцать две песни-переключки. Она наполнена выражениями глубокой грусти из-за нарушенных отношений автора с супругом, что обусловило резкое сокращение количества песен-переключек. Митицуна-но хаха больше внимания стала уделять сыну. Из общего объема песен-переключек всего восемь песен между ней и Канэиэ. Митицуна-но хаха составила пять, а Канэиэ всего три.

Таким образом, во второй книге дневника песен Митицуна-но хаха всего тридцать девять, Канэиэ – три, принца – две, родственников – две, песен-переключек автора с супругой чиновника Высшего императорского совета – одна, песня от спутницы – одна, с друзьями – одна (*рэнга*), песня друга – одна, служанки и учеников стрельбы из лука – пять.

Благодаря богатому стихотворному тексту во второй книге можно обнаружить, что круг общения Митицуна-но хаха заметно расширился; помимо супруга и приближенных к ней людей, она сообщает о других людях, что указывает на ее постепенное отдаление от супруга. Вместе с тем круг людей, с которыми она ведет переписку, расширяется, поскольку она становится известной как талантливая поэтесса и даже получает заказ написать стихи на ширмах, где изображены типичные картины жизни и природы Японии.

Основу второй книги составляют стихотворения, в которых писательница открыто говорит о своих переживаниях по поводу регулярного посещения мужем другой женщины. Они подталкивают ее к совершению многочисленных поездок в буддийские храмы, перемещений, путешествий для вознесения молитв богам. Именно во второй книге содержится подробное описание душевного состояния женщины, полной скорби, отчаяния, печали и уязвленного самолюбия.

Жизнь, наполненная бесконечным ожиданием отсутствующего супруга, мучительные приступы ревности, неопределенность положения, сомнения, не дающие покоя, – все в это порождает в душе героини дневника желание уйти в монахини, а значит, отрешиться от мира.

Третья книга посвящена событиям 972–974 гг. (три года). В ней продолжена традиция использования стихотворного текста в структуре повествования. Можно проследить, как растет внутренняя уверенность героини в себе, как она обретает самостоятельность, постепенно освобождается от терзающих ее душу обид и находит удовлетворение в общении с другими людьми. Именно в данной части дневника автор подводит итог былым отношениям между ней и мужем. Упрекая его за редкость встреч, за невнимание к ней и за то, что ее мечта о счастливой жизни не состоялась, Митицуна-но хаха пишет:

かたときにかへしよかずをかぞふればしぎのもろはもたゆしとぞな [5. С. 292].

Ты заменил короткой встречей
Множество ночей,
Когда слышны
Лишь крик бекасов
И крыльев шум.
[6. С. 322.]

Автор дневника на этом этапе своей жизни решила жить успехами сына, которым она гордилась, и заниматься воспитанием приемной дочери, которую обучала хорошим манерам и достойному поведению. Несмотря на юный возраст дочери, к ней зачастили сваты. Митицуна-но хаха также активно участвует в любовной переписке сына, наполненной выразительными образами.

В третью книгу Митицуна-но хаха включила двадцать одно собственное стихотворение. Остальные распределены так: Канэиэ – три; Митицуна, сыну поэтессы – двадцать девять; женщине, которая понравилась Митицуна, – восемь; женщине района Восьми мостов – семь; главе ведомства, где служил Канэиэ, – пять; дочери советника Гэнсайсе – два; приемной дочери Митицуна-но хаха, которая предположительно приходится дочерью Канэиэ от другой женщины, – одно; первому министру – одно; служанке Митицуна-но хаха – два.

Восприятие окружающего мира пронизано высокой степенью одухотворенности, слиянием с животрепещущими впечатлениями, составляющими канву для повседневности.

Третья книга рисует образ более уверенной в своих поступках женщины, которая посвящает себя воспитанию сына. Читатель видит, насколько героиня переборола себя, стала рассудительней и менее экспрессивной. Ее скорбь сменяется равнодушием к мужу, затем простым партнерством, начинают преобладать чувства, связанные с долгом перед семьей, перед сыном, друг перед другом. Муж лучше понимает ее душевное состояние, в глубине души осознает, что пришлось пережить этой сильной и мужественной женщине. Он начинает испытывать к ней благодарность как мужчина, увидевший в своей жене преданного и сочувствующего ему человека.

История героини прослеживается с момента знакомства с женихом до зрелых лет, когда смятение чувств сменяется просветленно-мудрым приятием жизни. Дневник отразил жизненный опыт автора, ее поиски и душевные страдания.

Эмоциональная окраска произведения – внутренняя борьба с самой собой, глубокий, но ненавязчивый самоанализ, помогающий автору выйти из депрессивного состояния. Если проследить появление собственных стихов Митицуна-но хаха в сравнении с общим объемом повествовательного текста во всем дневнике, то вырисовывается следующая картина: в первой книге количество стихотворений составляет 91 % текста (сто пятнадцать песен-переключек из сто двадцати шести стихотворений); во второй книге 58 % (тридцать две песни-переключки из пятидесяти пяти стихотворений); в третьей книге 90 % (семьдесят две песни-переключки из восьмидесяти стихотворений).

Можно выделить следующие стилистические особенности, присущие «Дневнику эфемерной жизни»: изображение череды реальных событий через призму эмпирического восприятия жизни героини, основанного на ее индивидуальности. Рисуя происходящие события, Митицуна-но хаха описывает их, но только пропуская через свой внутренний мир, собственные ощущения и переживания. Именно субъективное мироощущение женщины, жившей в средневековой Японии, привлекает внимание наших современников.

Внутренняя борьба, состояние травмированной души, напряжение эмоций, описанные автором произведения, дают стимул для песенного творчества. Стихотворный материал в «Дневнике эфемерной жизни» Митицуна-но хаха служит для передачи сиюминутной событийной эмпирической информации. Кроме того, он дополняет восприятие автора собственным художественным воображением и чувством, что подсказано поэтической традицией. Стихотворный материал соединяет в единую композицию описание повседневности с глубокими переживаниями писательницы.

Заключение

В средневековой дневниковой литературе стиль произведения невозможно оценить вне эстетики художественного мышления эпохи. «Дневник эфемерной жизни» отражает особую тональность, эмоциональную загруженность, скрытый психологизм, передающий не только своеобразие героини, но и свойства, присущие всей эпохе. Тональность, характерная для женской дневниковой литературы, проявляется в отборе художественных изобразительных средств, выборе темы, ее трактовке, особенностях сюжетного развития. Тонкая художественная натура, автор придает значение тени птицы, мелькнувшей за оградой, и вьюнку, дотянувшегося до перил лестницы, ведущей в беседку.

Список литературы

- [1] *Кимура Масанори. 蜻蛉日記と土佐日記* [«Дневник эфемерной жизни» и «Путешествие из Тоса». Классика японской литературы]. Токио, 1975. 438 с.
- [2] *Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв.* М.: Наука, 1975. 376 с.
- [3] *Имаи Такудзи. 平安時代日記文学の研究* [Исследование Хэйанских дневников]. Токио, 1999. 189 с.
- [4] *Имаи Такудзи. 女流日記文学の講座* [Лекции по женской дневниковой литературе]. Токио, 2001. 245 с.

- [5] *Кикүти Ясухико. 土佐日記・蜻蛉日記. 日本古典文学全集* [«Госа-ники» и «Дневник эфемерной жизни». Классика японской литературы]: в 51 т. Т. 13. Токио, 1995. 468 с.
- [6] Японские средневековые дневники. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2001. 623 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14 мая 2020 г.

Дата принятия к печати: 29 мая 2020 г.

Для цитирования:

Гафурова Х.Ш. Песенное творчество в «Дневнике эфемерной жизни» и его функциональная нагрузка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 511–520. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-511-520>

Сведения об авторе:

Гафурова Хакима Шавкатовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Восточные языки» Университета мировой экономики и дипломатии. E-mail: hakimaanor@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-3-511-520

Research article

Songwriting and functional load in the “Diary of Ephemeral Life”

Khakima Sh. Gafurova

The University of World Economy and Diplomacy
54 Mustaqillik Ave, Tashkent, 100077, Republic of Uzbekistan

Abstract. In the history of Japan, the Heian era is considered the “golden age”, the heyday of aristocratic literature. It was then that the aristocracy became the creator of literary works, which to this day are the masterpieces of world literature. One of the unique phenomena of Japanese classical literature is recognized diary, including female diary literature of the Heian era (IX–XII centuries). Diary literature differs from other genres in terms of presentation style, artistic language, plot and composition, figurative system, presentation methods. Mitsitsuno no haha (935–996), who enriched the Japanese medieval art tradition with an original literary style, a new theme, a new poetic vision, new sensuality, is recognized as the most striking representative of women’s diary literature in Japan. In the “Diary of Ephemeral Life”, by Mitsitsuno no haha the tradition of poetic inserts is widely embodied, a special layer of poetic material (three-part, five-part) is highlighted. They serve as a necessary attribute for conveying an emotional mood, creating an image, enhancing important moments of importance. Considering the artistic features of the diary, the author of the article makes an attempt to suggest that poems are additional material in the transfer of various emotional states of the heroine. Poetic insertions enhance one or another mood, establish an emotional connection between the external and internal world of the author. Analysis of poetic inserts makes it possible to determine their functional load.

Keywords: medieval literature, women’s diary, Heian era, genre, composition, artistry, poetry

References

- [1] Kimura, Masanori. (1975). “*Diary of Ephemeral Life and “Travel from Tosa”*”. *Classics of Japanese literature*. Tokyo. (In Japanese.)
- [2] Goreglyad, V.N. (1975). *Dnevnik i esse v yaponskoy literature X–XIII vv. [Diaries and essays in Japanese literature of the X–XIII centuries]*. Moscow, Nauka Publ.
- [3] Imai, Takuji. (1999). *Study of the Heian diaries*. Tokyo. (In Japanese.)
- [4] Imai, Takuji. (2001). *Lectures on women’s diary literature*. Tokyo. (In Japanese.)
- [5] Kikuiti, Yassuhiko. (1995). “*Tosa-nikki” and the “Diary of Ephemeral Life”*”. *The classic of Japanese literature* (vol. 13). Tokyo. (In Japanese.)
- [6] *Yaponskie srednevekovie dnevnik [Japanes medieval diaries]* (p. 623). (2001). Saint Petersburg, Severo-Zapad Press.

Article history:

Received: 14 May 2020

Revised: 20 May 2020

Accepted: 29 May 2020

For citation:

Gafurova, Kh.Sh. (2020). Songwriting and functional load in the “Diary of Ephemeral Life”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(3), 511–520. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-511-520>

Bio note:

Khakima Sh. Gafurova, Candidate of Philological Sciences, Head of the Oriental Languages Department of the University of World Economy and Diplomacy. E-mail: hakimaanor@mail.ru